

В своей рубрике «Уроки истории» мы предлагаем нашим читателям ознакомиться с книгой Владимира Слабуки «95 лет органам безопасности на Камчатке: события и судьбы», выпущенной издательством «Русский остров» (г. Владивосток).

Деятельность органов безопасности на Камчатке неразрывно связана с историей полуострова – северо-восточного форта России. Близость границы накладывает свой отпечаток. Рассказывая о службе чекистов, автор раскрывает подробности событий, в разные годы происходивших на полуострове. Большая их часть не была известна даже историкам-краеоведам. Сборник очерков, написанных живым и понятным языком, наверняка заинтересует жителей Камчатского края.

Фрагменты книги, относящиеся непосредственно к истории Камчатского полуострова, мы публикуем на страницах нашей газеты.

(Продолжение. Начало в № 22 (200) от 11.07.2018, № 23 (201) от 18.07.2018), № 25 от 01.08.2018)

Глава 3

ВРЕДИТЕЛЬСТВО ИЛИ БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ?

Хочется сразу предупредить читателя, что ответ на вопрос, вынесенный в название главы, ему придется дать самому. Мы берем на себя обязательство излагать факты и

только факты. Оценивать их можно по-разному.

Вы способны определить, кем является известный чеховский персонаж, свинчивавший гайки с железнодорожных путей, – злоумышленником или идиотом, не ведающим, что творит? В данном случае – выбор предопределен. Но существенна ли разница между злоумышленником и идиотом для машиниста, чей локомотив сошел с тех самых рельс, с которых открутили гайку? Эту дилемму решить труднее...

На вопросы такого уровня сложности в двадцатых-тридцатых годах прошлого века приходилось отвечать камчатским чекистам, часто не имевшим и достаточного уровня образования, и не успевшим набрать необходимого оперативного и житейского опыта, и заваленным в силу малочисленности оперативного аппарата ворохом дел.

Этот период являлся временем активного реформирования органов безопасности Советского Союза. Ситуация, когда сотрудники практически ежегодно в связи с очередными организационными мероприятиями выводились за штат, также сказывалась на качестве и эффективности оперативной работы.

[...]

В начале тридцатых годов, как уже отмечалось, Советский Союз переживал очень сложный период. Рачительное хозяйствование и бережливость в иных случаях становились вопросами жизни и смерти в буквальном понимании смысла этих слов. В стране царил голод. В некоторых сельских районах Казахстана, Украины, России люди умирали от недоедания, там отмечались случаи каннибализма и другие криминальные ужасы, которые неизбежно сопровождают массовый голод...

[...]

Среди социальных забот камчатских чекистов на первом месте по значимости стоял контроль обеспеченности населения продуктами питания. Суть всех информационных записок того периода, направленных отделом ОГПУ полномочному представителю,

краевым и областным властям, сводилась к сообщениям о катастрофической ситуации с завозом продовольствия и промышленных товаров.

26 июля 1931 года в письме в окружном ВКП(б) сообщается:

«...Продовольствием Усть-Камчатский район при скверном ассортименте обеспечен до 1-го августа. Еще острее вопрос со снабжением стоит в верховьях реки Камчатки. Причины недоснабжения – отсутствие специально выделенных для заброски снабжения плавсредств...

В селе Мильково с марта по июнь ничего не выдавали, выдано в июне по 6 кило муки, что явно недостаточно. В связи с плохим снабжением среди населения растут нездоровые настроения.

...Рыбаки вынуждены заниматься снабжением сами, отвлекаясь от путины».

Письмо Г.Р. Коваленко от 17 сентября 1931 года в адрес председателя камчатского Интегралсоюза (*Форма кооперации, разработанная для северных районов страны. Она охватывала все стороны экономики и социальной жизни - от закупки пушнины до медицинского обеспечения.* – **Авт.**) И.Т. Воронцова еще более тревожное:

«На участке Ука – Тилички – Усть-Камчатск население сидит без товаропродуктов, совершенно отсутствуют мука, спички, керосин, о чем Вам сообщалось нашим отношением от 23 августа за № 1-10-24.

Семьи некоторых жителей в настоящее время голодают. На дефицитные товары присылаются только счета, а товаров нет. Среди населения начинаются заболевания. Наличие одного фельдшера медпомощь не обеспечивает. На том же участке у артели Интегралсоюза осталась необработанной от 1930 года продукция: кеты 100 шт. и несколько тысяч пудов икры. Рыба портится и теряет ценность.

Четвертый год нет расчета за взятую у населения рыбу, что вызывает среди последнего недовольство.

...Просим срочно сообщить, какие Вами приняты меры по нашему отношению от 23 августа за № 1-10-24 по ряду затронутых нами вопросов, в частности по обеспечению населения хлебопродуктами. Кроме того, сообщите, почему в течение четырех лет с населением не рассчитываются за принятую у него рыбу, и какие меры принимаются в отношении необработанной рыбы и икры от прошлого года?».

Камчатский округ на фоне бедственного положения в других регионах страны, если исходить из количества поставляемых продуктов и промышленных товаров на душу населения, выглядел относительно благополучно. Учитывая удаленность региона, его северное и приграничное положения, традиционно сильные среди местного населения симпатии к японцам и американцам, он снабжался по меркам того времени хорошо. С 1931 по 1935 годы карточная система распределения продуктов и товаров существовала и на Камчатке, но установленные нормы были выше, чем в целом по стране.

Рабочие, служащие, инженеры и техники АКО в год на одного человека получали муки – 246 кг, крупы и макаронных изделий – 124 кг, сахара – 18 кг, консервов (разных) – 40 банок. Колхозникам устанавливались более скромные нормы. Они получали в год муки – 120 кг, круп и макаронных изделий – 120 кг, сахара – 12 кг, консервов – 10 банок. Карточки также предполагали выдачу мясных продуктов, животных и растительных жиров, других товаров продовольственной группы. Кроме того, существовали повышенные путинные нормы выдачи продуктов и некоторые другие

льготы. С учетом камчатского рыбного изобилия, при условии регулярных поставок продовольствия, можно было, по меркам того времени, неплохо питаться. Во всяком случае, скудного пайка, а тем более голода и сопутствующих ему болезней продуктовые нормы не допускали. Требовалось только разумно распоряжаться присланными в округ продуктами и товарами, а этого как раз и не происходило.

Продовольствие, другие грузы, особенно в камчатской и чукотской глубинке, не доходили до конечного потребителя.

Свидетельство тому вновь находим в документах.

«...На Карагинском острове происходит систематическая порча продуктов, а именно:

в зиму 1929/30 года испорчено 30 мешков, весом 1800 кг, муки, мука слежалась, мешки погнили...

В настоящее время на фактории острова лежит 300 мешков весом 21 тыс. кг ржаной муки, которая также подвергается порче, и мер к ее сохранению не прилагается.

Доставленные в 1929 году огурцы, капуста и помидоры, простояв на солнце целое лето, испорчены, и 30 бочек последних списаны...

На зиму 1930/31 года на рыболовной базе, заведующий базой Орлов (который постоянно пьет), оставлены 130 мешков муки, весом 9100 кг. Она испорчена и списана в расход.

Им же, Орловым, испорчено в 1930 году до 6 тысяч штук трески и 10 бочек икры, которые выброшены».

[...]

Реальные проблемы с материально-техническим обеспечением, разумеется, существовали. Многие продукты питания и промышленные товары долгие годы в СССР оставались дефицитом. Но и то, что имелось, часто оказывалось утраченным из-за граничащего с прямым вредительством, бесхозяйственностью и безалаберностью отношения людей, в чьи обязанности входило разумное использование материальных ценностей.

[...]

Удивляет безразличие, с которым руководство АКО относилось к условиям труда и быта рабочих акционерного общества. Стоит ли после этого удивляться, что рыбаки, лесорубы, рабочие совхозов не торопились записываться в ряды ударников, а

использовали любой удобный случай, чтобы покинуть акционерное общество и полуостров.

Рабочих рук на Камчатке катастрофически не хватало. Подбором, или, как тогда говорили, вербовкой кадров занимался специально созданный в АКО колониальный отдел. Его агенты действовали по всей стране, обещая гражданам, готовым отправиться в дальний путь, жилье, высокие заработки, прекрасные условия на пароходах, на которых они из Владивостока отправятся на Камчатку. Если исходить из тех сумм, которые страна выделяла для заселения полуострова, все должно было происходить так, как обещали вербовщики. Реальное положение дел не имело ничего общего с декларациями.

Колонистов после долгого ожидания во вшивых бараках во Владивостоке загружали на грузовые пароходы. В темные трюмы набивали тысячи человек. В пути их кормили отвратительно. На горячую пищу колонисты могли рассчитывать в лучшем случае один раз в сутки, хотя средства отпускались на двухразовое питание. Чаше на пароходах ограничивались раздачей хлеба мизерными порциями. Иногда доходило и до откровенного издевательства.

На пароходе «Скала», на котором перевозили три с половиной тысячи рабочих, переселенцев кормили соленой рыбой и не давали воды.

Суда с переселенцами и сезонными рабочими кишмя кишели не только людьми, но и вшами, тараканами, клопами и крысами, с которыми на Камчатку завозили инфекционные болезни, и прежде всего бич того времени – сыпной и брюшной тиф.

С нетерпением ждали колонисты прибытия на Камчатку, веря, что там суждено сбыться их надеждам, навеянными обещаниями вербовщиков.

О том, как встречал переселенцев колониальный отдел АКО, беспристрастно свидетельствуют документы: «Для приема прибывающих в Большерецкий район 150 семей никакой подготовки не ведется...

Нет не только жилищ, но даже лесоматериала для их постройки. Заготовленные для колонизационного отдела немтукскими кооператорами бревна не сплавляются. Усадьбы не нарезаны, прибывшая земпартия вместо Немтика едет резать усадьбы в Ичу, куда переселенцы в этом году не направляются.

Продовольственные запасы для 150 семейств состоят только из 2-х пудов растительного масла».

В другой записке говорится об условиях быта уже прибывших переселенцев: «В помещениях рабочих на многих промыслах грязь, отсутствие питьевой воды, двухтарная система, рваные палатки, теснота... Рабочие при перерасчете обшчитывались, в то же время отдельные ответственные работники получали незаконно высокие ставки. Заработная плата по отдельным управлениям не выплачивалась рабочим месяцами».

Из подобных сообщений можно составить отдельную книгу.

В мае 1932 года в Петропавловскую гавань вошел пароход, на борту которого находились около двух с половиной тысяч сезонных рабочих и переселенцев. Капитан сообщил в АКО, что на судне много больных, а из продовольствия осталась только мука максимум на пять-шесть дней. Казалось бы, решение напрашивается само собой: пополнить продовольственные запасы парохода, снять больных и оперативно направить судно к местам выгрузки сезонников и переселенцев. Но вместо продовольствия АКО загрузило на пароход уголь и отдало распоряжение капитану идти вместе с изможденными пассажирами в Охотское море на бункеровку парового траулера, который ведет промысел в интересах акционерного общества.

[...]

Как уже стало ясно, чаще всего переселенцы с Большой земли сталкивались на Камчатке с ужасными условиями и быта, и труда, за который платили мало и с большими задержками.

Счастливыми считали тех, кого поселили в отдельных землянках. Значительно чаще

рабочим и их семьям приходилось ютиться в вонючих, тесных и холодных бараках. Нередко переселенцам в суровые и томительные камчатские зимы приходилось жить в брезентовых палатках.

Понятно, что, отработав оговоренный в контракте срок, а то и до его истечения, переселенцы стремились покинуть полуостров. Забегая вперед, скажу, что АКО вплоть до своего упразднения в 1945 году так и не сможет обеспечить Камчатку трудовыми ресурсами. В послевоенные годы новым хозяйствующим субъектам придется завозить на полуостров десятками тысяч иностранных рабочих, преимущественно корейцев, что приведет и к ухудшению криминогенной ситуации на полуострове.

Чаще всего на полуострове оставались только те, кого из-за ужасных бытовых условий, тяжелой работы, плохого питания, экстремального климата и почти полного отсутствия медицинского обеспечения навсегда предавали камчатской земле. Высокая смертность среди колонистов и сезонных рабочих воспринималась, к сожалению, как явление неизбежное. Уносили жизни и болезни, о которых много говорится в документах, подготовленных камчатскими сотрудниками органов безопасности.

«На 17 мая заболеваниями сыпного тифа поражены: Петропавловск-Камчатский – 9 случаев, Усть-Большерецкий район – 33 случая, 3 – смертных, 3 случая брюшного... Усть-Камчатский район – сыпного тифа – 26, брюшного – 3.

На каждом пароходе имеем эпидемию сыпняка... Изолирование больных на пароходах заболеваемости не снижает в силу слабых карантинных мер, скученности, необустроенности изоляторов на пароходах, отсутствия постельных принадлежностей, белья, ванных, парных. Те же условия на берегу плюс недостаток медперсонала, медикаментов, дезсредств.

Всего заболеваемости по округу сыпным тифом – 92, брюшным – 6. Цингой: на 17 мая город Петропавловск – 385, Петропавловский район – 188, Усть-Большерецкий район – 290, Усть-Камчатский район – 68. Итого по районам – 931».

Напомним, что население Камчатки на тот период едва превышало 30 тысяч жителей. Простой подсчет показывает, что на полуострове цингой болел каждый 30-й человек.

[...]

...На острове Птичьем общее число заболевших тифом составляет 25 человек. Кроме того, в больницу ежедневно поступают от 3-х до 4-х человек. <...> Уже имеется пять смертных случаев от сыпного тифа.

В Усть-Камчатском районе, в Еловском леспромхозе на 1 мая насчитывается цинготно больных – 91 человек, из них тяжело больных – 35 человек... Имеют место 4 случая смертности».

Еще более масштабные факты бесхозяйственности вскрылись в 1933 году в ходе работы камчатских чекистов и присланной к ним на помощь из Хабаровска следственной группы по делу так называемой «Автономной Камчатки».

Специалисты АКО сумели доказать Москве, что Камчатке необходим собственный жестяно-баночный комбинат. Дескать, значительно рентабельнее производить банку на Камчатке, а не завозить ее с материка или из Японии. Столица на уговоры поддавалась. Приняли решение демонтировать единственную на советском Дальнем Востоке жестяно-баночную фабрику в Приморье и перевезти ее оборудование в Усть-Камчатск, где разворачивался рыбокомбинат в составе двух консервных заводов и нескольких участков лова.

Когда станки начали прибывать на полуостров, вдруг «вспомнили», что для производства консервной банки требуется не только оборудование, но и специально подготовленная жесть. Ее также требуется завозить на Камчатку. Тут еще в дополнение ко всем бедам часть станков при разгрузке парохода на рейде Усть-Камчатска благополучно утопили, и фабрика перестала существовать. Всю банку для рыбоконсервной промышленности Дальнего Востока начали закупать в Японии.

Вообще, промышленного оборудования в те годы на рейде Усть-Камчатска потеряли немало. В 1927 году, например, в период строительства РКЗ № 1 затонул крупногабаритный котел, привезенный из США, который пытались доставить на берег двумя кунгасами. Но тут, пожалуй, никакого умысла и вредительства нет. Для того чтобы войти в устье реки Камчатки из Камчатского залива, требуется преодолеть мощный бар (*Гряда в прибрежной полосе морского дна, на которой образуются сильные волны* . – **Авт.**) Он стал вино-вником множества трагедий. По данным Камчатской комплексной экспедиции АН СССР, работавшей на полуострове в 1936 году, за пять предыдущих лет здесь погибли более пятидесяти человек.

Одна из последних трагедий в устье реки Камчатка произошла 27 декабря 1998 года. Погибли девять пограничников, которых самоходная баржа перевозила с ПКС (*Пограничный корабль снабжения*

. –
Авт.

) «Николай Старшинов» на берег. Из находившихся на барже чудом удалось уцелеть лишь одному военнослужащему.

АКО также, неизвестно с чьей подачи, приняло решение о строительстве нескольких крупных леспромхозов на западном побережье Камчатки, где преобладает тундровая растительность. Намеревались лес к ним сплавлять по нерестовым рекам. В АКО

поняли несуразность затеи лишь после того, как на ее реализацию потратили миллионы рублей.

[...]

Полным провалом завершилось и строительство Анадырского мясного и замшевого комбината, в качестве сырьевой базы ориентированного на оленеводство. Место для предприятия выбрали крайне неудачное – в районе, лишенном постоянных источников пресной воды и на значительном удалении от массового выпаса карибу. Закупка оленей практически не производилась. Некий Ильин, которому поручили заготовку скота, как установили чекисты, «только уговорился о покупке оленей с кулаками-туземцами», выдавая им в качестве залога промтовары, а в АКО доносил, что закуплено столько-то тысяч голов, но временно оставлено в табунах». С отъездом Ильина в неизвестном направлении Анадырский комбинат, не получив ни одного оленя, так и не смог приступить к работе.

Как уже отмечалось, полным беспорядком характеризовалась доставка товаров и продовольствия из портов Приморья на полуостров. На складах и в пути следования грузы обезличивались, их плохо упаковывали, что вело к порче, а также создавало предпосылки для массовых хищений.

Часто грузы, предназначенные для нескольких населенных пунктов, оставляли в одном месте. По этой причине миллионы граммофонных иголок скопились в Гижиге, невероятное количество полотенец – в Тигиле, громадную партию муки-крупчатки оставили в бухте Наталии, где ее местному населению хватило бы лет на двадцать. В Петропавловск-Камчатский завозили плиточный чай и другие товары, востребованные аборигенным населением, а в национальные поселки - байховый чай, который коренные жители игнорировали, как и шелковые чулки, духи, в больших количествах доставленные в северные районы.

В населенных пунктах, распо-ложенных в долине реки Камчатки, вообще искусственно создали товарный голод. Грузы для верховых поселков в достаточном количестве

завозились в Усть-Камчатск, но значительная их часть здесь так и оседала. Продовольствие и промышленные товары вверх по реке нечем было доставлять. Для нормализации положения с завозом за рубежом закупили новые катера. Но в 1932 году, в самый разгар речной навигации, все их без исключения отправили в ремонт. И товары опять не пришли в поселки.

В последующие годы, после того как пост директора-распорядителя АКО занял И.А. Адамович, негативная информация о деятельности акционерного общества из оперативных сводок регионального органа безопасности постепенно исчезает. Объясняется это не только тем, что новый руководитель АКО и его заместители оказались гораздо инициативнее предшественников и имели некоторое представление об экономике. Просто комбриг А.П. Лев до определенного момента не давал хода негативной информации о деятельности АКО и его руководства.

А ситуация в АКО не изменилась и к 1940 году. «...Как в хозяйственном, так и в отношении морально-политического состояния коллектив комбината находится в очень тяжелом положении...

План 1938 года выполнен лишь на 87,6%, значительная часть продукции не убрана, до глубокой осени были не вывезены сезонные рабочие. 250 семей, закрепившиеся на комбинате по трехгодичным договорам, жили до половины зимы в летних палатках...

Если, например, 129 семей трудящихся имеют индивидуальные домики и часть трудящихся живет в капитальных домах комбината, то значительная часть трудящихся живет в легких временных постройках скученно, причем из-за нехватки транспорта, флота, горючего ежегодно зимой комбинат переживает острую нужду с топливом. На центральной базе при ежедневной потребности в 60 м³ дров наш транспорт может завезти только 8-9 м³, чего едва хватает на школу, больницу, пекарню, столовую, а население сидит без дров, без освещения, баня не топится...

Ко всему этому систематический недозавоз продовольствия, одежды, обуви... Вновь прибывшие, еще не обжившиеся рабочие часто недоедают, уже в декабре... появилось до 20 случаев заболевания цингой, несколько случаев массовой вшивости в общежитиях.

Вспыхнувшая внезапно эпидемия кори привела к смертности 20 детей в течение полутора месяцев (эпидемия прекращена специальными мерами)».

Убыток предприятия в 1937-1938 годах составил 1198,3 тысячи рублей при плановой прибыли 6713 тысяч рублей. Получается, что только государственные дотации помогали держаться камчатским хозяйственникам на плаву.

Продолжение следует.